

ЭВАРТ
ОКШОТТ

АРХЕОЛОГИЯ ОРУЖИЯ

ОТ БРОНЗОВОГО ВЕКА

ДО ЭПОХИ
РЕНЕССАНСА

Эварт Окшотт

Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=616935

Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса :

Центрполиграф; М.; 2006

ISBN 5-9524-0968-7

Аннотация

Эварт Окшотт – признанный во всем мире ученый, специализирующийся по истории оружия. В этой книге автор подробно описывает многие виды мечей, копий и кинжалов, особое внимание уделяя периоду Средневековья. Издание снабжено большим количеством иллюстраций, выполненных рукой автора. Книга предназначена не только для специалистов, но и для тех, кто хотел бы ближе познакомиться с историей возникновения и совершенствования оружия и доспехов.

Содержание

Введение	4
Часть первая	25
Глава 1	25
Глава 2	66
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Эварт Окшотт

Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса

НИКУ, который сказал:

«Почему бы не написать книгу»...

Введение

На протяжении веков человек создавал разные виды оружия. Чтобы выдерживать необходимые нагрузки, оружие должно было обладать надежностью, крепостью, а это, в свою очередь, благоприятствует его долгой жизни, хорошей сохранности. Поэтому среди археологических находок, сделанных на территории Европы, оно занимает далеко не последнее место. Потому и появилась соответствующая наука — археология оружия. Дело в том, что, как и большинство других изделий человеческих рук, оно эволюционировало по мере развития и совершенствования технологий, а также отражало и исторические реалии разных периодов. Таким образом, проследить пути совершенствования различных ти-

пов вооружения невозможно без того, чтобы не совершать хотя бы краткий экскурс в историю того времени, о котором пойдет речь.

В большинстве случаев оружие клали в могилу вместе с умершими. Согласно верованиям древних народов, оно должно было служить хозяину в посмертном существовании точно так же, как и при жизни. Раскопки в гробницах дают максимальное количество материала для работы археолога; там находят множество оружия, доспехов и других самых многообразных металлических изделий, предназначенных для сражений и впоследствии принесенных в жертву богам подземного мира. Благодаря этому историки получают богатый материал для исследований. Обычно все эти доисторические артефакты из-за невероятного изобилия фактического материала исследуют и описывают в рамках археологической науки изолированными группами: в большинстве случаев работы посвящены конкретному периоду или конкретному виду оружия. Лишь изредка можно встретить исследования, рассматривающие историю оружия на протяжении веков, от бронзового века и до изобретения пороха. Огромный материал, охватываемый проблемой археологии оружия, требует кропотливого изучения. Тема оружия практически неисчерпаема, и в рамках одного исследования трудно, абсолютно невозможно сочетать глубину исследования и какую-либо широту поля изучения.

Археология оружия и войны – это дисциплина, не привя-

занная к конкретному периоду или месту действия, но следующая за его развитием в истории так же, как можно следовать за выделяющейся ниткой, струящейся по ткани. В своем кратком обзоре (это все, что можно сказать о таком обширном периоде в одной книге, пусть даже очень толстой) я попытался проследить за развитием оружия в Европе в логической последовательности, показав, какие изменения в его изготовлении и конструкции привнесло появление новых материалов, новые требования ведения войны или вечно меняющейся моды и как, тем не менее, из века в век шел процесс его постоянного совершенствования.

Искусство ведения войны – увлекательный предмет изучения, но еще интереснее познавать оружие и доспехи, поскольку здесь мы имеем дело с предметами, часто несказанно прекрасными, полными таинственного и высокого значения. С доисторических времен сохранилось множество оружия, по большей степени благодаря языческой традиции хоронить его вместе с воинами для использования на том свете, но ближе к Средневековью, по мере отмирания обычая его встречается в могилах все меньше и меньше. С принятием христианства, во многом уничтожившего языческие обряды (или приспособившего их для собственных целей, но не это является предметом моего исследования), оружие и прочие предметы, сопровождавшие владельца в мирной жизни или в бою, перестали класть в могилу для помощи достойному воину (как это делали викинги). Таким образом, количество

доступного, находящегося в хорошей сохранности материала сильно сократилось. Иногда в могилах очень знатных людей можно обнаружить мечи или шпоры (некоторые из таких захоронений уже найдены, множество других еще только предстоит исследовать), но по большей части предметы, изготовленные после заката язычества на северо-западе Европы, находят случайно, иногда их достают со дна реки или выкапывают во время закладки фундамента нового здания. Обычно все эти объекты сильно попорчены временем. Тем не менее существуют произведения искусства, запечатлевшие использование оружия. Поэтому в исследовании средневекового оружия и доспехов мы вынуждены часто опираться не на реальные объекты, а на их изображения: иллюстрации к манускриптам, картины и статуи, которые, впрочем, отличаются исключительной точностью и достоверностью, благодаря чему они вполне могут служить материалом для анализа.

До самого недавнего времени большая часть жизненно важного литературного материала: Ветхий Завет, произведения Гомера, сказки кельтских племен и северных народов, саги и т. д. – считались легендами, не имеющими под собой исторического основания и лишенными всякого значения. Точно так же «Ригведа» – огромный сборник эпических поэм, религиозных текстов, историй и популярных песен, созданных арианами во втором тысячелетии до н. э., послуживший основой для возникновения учений буддизма и ин-

дуизма, — была малоизвестна и в равной мере объявлена собранием романтических и мистических грез. Лишь немногие считали «Ригведу» пересказом действительных исторических событий.

Теперь ситуация изменилась. Ныне признано, что события, описанные в Библии, основаны на реальных фактах, часто пересказанных с исключительной точностью. Герои Гомера и места, где они совершали свои великие подвиги, благодаря археологическим находкам исключительной ценности обретают качества исторической достоверности. Истории об Оссиане и Грани, Финне и Фианне оживили множество материалов, лежавших мертвым грузом в археологических музеях Ирландии; Старшая и Младшая Эдды, создания северных народов, и героический эпос под названием «Беовульф» основаны на реальных фактах. Саги, которые благодаря их лаконичному и суровому реализму всегда считались частично правдивыми, получили свое подтверждение и теперь четко привязаны к определенным периодам истории в результате находок множества впечатляющего материала, добытого учеными при раскопках. Да и «Ригведа», в свою очередь, проясняет многие вопросы, возникшие после открытия археологами великой древней цивилизации в долине Инда. Около 1900 г. до н. э. она была уничтожена арийцами, индоевропейским народом, для которого эта книга являлась тем же, чем для нас является Библия.

Задача, которую должна выполнить лежащая перед вами книга, — дать читателю представление о предмете колоссального объема, проследить за процессом совершенствования оружия, подстегиваемым неутолимимым стремлением человечества к войне, и инструментов, которые они использовали для этой цели, и вспомнить, что говорили те, кто занимался этим делом. Они любили свою работу. «Я пою об оружии и о людях», — говорил Вергилий и при этом ставил оружие на первое место. С самого начала оно считалось священным, несло в себе частичку божественного могущества. Следы этой традиции все еще можно было обнаружить в культуре уроженцев Запада, живших в Америке сто лет назад; для них даже такой малоромантичный механизм, как шестизарядный пистолет, сохранял отблеск древней славы. Вероятно, это были последние люди, для которых неживой металлический предмет нес на себе хотя бы частичку индивидуальности, которой так щедро наделяли свои мечи, копья, щиты люди Древнего мира. Некогда оружие было постоянным спутником человека, от него зависела пища, от него же часто зависела и жизнь. Оружие было принадлежностью воина, а в некоторых случаях — знаком определенного социального статуса или символом необыкновенного мужества бойца. Это верно было и для мужчины-американца, не расстававшегося со своим кольтом во времена освоения Америки. Тогда снова возник последний отблеск древней традиции.

Когда пытаешься писать исторический труд, всегда сле-

дует иметь некую точку отсчета. В случаях, когда речь идет о развитии оружия и становлении военного искусства, принято начинать с того момента, когда фактически завершился распад Римской империи. Я же намерен впасть в другую крайность и начать свой рассказ с того момента, когда до постройки Рима должно было пройти еще очень много времени. Где-то около 1900 г. до н. э. произошли события, которые полностью изменили методику ведения войны, принятую у всех народов Древнего Востока, и уничтожили тех, кто (как миролюбивый народ, живший в Мохендж-Даро, в долине Инда) не сумел этого сделать. Наше исследование начнется с этого момента, хотя наибольшее внимание в нем будет уделено периоду Средневековья.

Около 1900 г. до н. э. воинственные народы, происходившие из какой-то части Западной Азии, начали наступление в южном и восточном направлении. В следующие двести лет из южной части этих доисторических «клещей» произошли народы, которых мы знаем как хеттов и мидян, оттуда же была навязана местным народам аристократия, представителей которых Гомер называл «темноволосыми ахейцами» и которых мы зовем микенцами. Часть из них продвинулась дальше, уничтожила слабое и зависимое правительство 14-й династии египетских фараонов и на 200 лет оккупировала подвластные им земли. Восточная часть завоевателей дошла до северо-запада Индии, разбив беспомощных в военном отношении, но тем не менее великих и могущественных

с точки зрения культуры людей Инда. Вероятно, именно высокий культурный уровень развития помешал им стать великими воинами; но в тот момент, когда создавались новые государства и шли широкомасштабные завоевания, культура не только не помогла этой цивилизации выжить, но и, напротив, заставила навсегда исчезнуть с лица земли.

Современные этнографы называют расу завоевателей индоевропейской. Вне всякого сомнения, она дала начало миру, от которого произошли греки и римляне, многие индийские народы, а также северные племена кельтов и тевтонов, индоевропейцы являются предками как индийской, так и любой из западных цивилизаций. Причина их успешных завоеваний – высокоразвитое искусство ведения войны, основанное на концепции сражения, практически неизвестной во втором тысячелетии до н. э. Основным стержнем этой концепции было использование в бою лошадей: не кавалерии в ее нынешнем понимании, а коней, запряженных в легкие колесницы, в каждой из которых сидело по одному-два вооруженных воина. Это было исключительно мобильное для того времени, хорошо защищенное боевое транспортное средство. Когда такие колесницы объединялись в подразделения и действовали совместно, они могли превратить в пыль древние колонны пеших копьеносцев. Мощь Египта, еще недавно реальная, несмотря на беспомощность правительства, пала под натиском боевых колесниц гиксосов, ненавистных обитателей пустыни или пастухов. Они правили страной до тех

пор, пока противники не воспользовались полученными навыками и не обернули против них их же собственное оружие в 1580 г. до н. э., когда египтяне выгнали гиксосов из страны, действуя с помощью армии, снабженной колесницами. Опыт завоевателей многому их научил; благодаря ему Египет еще долго был могущественной державой.

Записи древнеегипетских историков сохранили для нас множество сведений об индоевропейских племенах, живших на Среднем Востоке, но еще точнее можно судить о них по тем памятникам, которые они сами создали в те времена, когда еще не начали вести оседлый образ жизни. Естественно, что эти памятники не были высечены в камне или отлиты в бронзе; народам кочевников не свойственно оставлять после себя подобное наследие. Их эпос, красочный и самобытный, в достаточной мере отражает жизнь племен, дает представление не только о верованиях или воззрениях людей, но и об их повседневной жизни, одежде, лошадях и конечно же об оружии. Самое яркое повествование, которое оставили нам арии (индийская ветвь индоевропейской расы), это «Ригведа», многоплановый труд, состоящий из множества эпических песнопений и повествовательных поэм. Он дает замечательные портреты военных вождей своего времени и описывает армии, следовавшие за ними; те же самые описания можно найти в древнеирландском эпосе, созданном значительно позднее, но по языку во многом похожем на стиль «Ригведы».

Около четверти всех молитв, входящих в эту книгу, адресовано Индре, величайшему из богов:

«Сильнорукий, могучий, рыжебородый и пузатый от выпивки, в самые божественные моменты своей жизни он держит в руках молнию, но сражается и как воин, с луком и стрелами на своей колеснице. Он наездник скота, но прежде всего – разрушитель вражеских крепостей и победоносный предводитель арийцев во время великого завоевания ненавистой древней империи Пенджаба. Вместе с ним дерутся юные воины – маруты, которыми, видимо, командует Рудра – соперник Индры и все же в какой-то мере и двойник, «непобедимый, быстрый, юный, не имеющий возраста, правитель мира...».

По описанию эта молитва очень похожа на кельтские сказания, относившиеся к I столетию до н. э. (железный век) и распространенные тогда в Ольстере и Северной Британии. Индра ариев во многом напоминает гротескный образ Дагды с его неумным аппетитом, Ругра и маруты заставляют вспомнить о Финне и Фианне.

«Когда воин в своей кольчуге ищет упоения в бою, он похож на облако, готовое разразиться грозой. Так будь же ты победоносен и невредим, и пусть толщина кольчуги хранит тебя от ран... Кто бы ии убил нас, незнакомый враг или со-

ратник, пусть отомстят ему боги; самая близкая, самая тесная моя кольчуга – это молитва».

Эта часть эпической песни, созданной на равнинах Пенджаба три тысячи лет назад, была бы вполне к месту во Франции XIII века.

«Пусть мы победим вместе с луком, с луком в битве, с луком в горячих схватках. Лук приносит врагам горе и печаль, вооруженные луком, мы покорим все страны. Радостно, когда тетива прижимается близко к уху и держит в объятиях любимого друга. Натянута на лук, она шепчет, как женщина, – та тетива, что защищает нас в сражении».

Здесь лук – любимое оружие, его тетива для воина звучит как ласковые слова женщины, но чувство то же, что сквозит в романах эпохи рыцарства. Тут смешались восторг и нежность, радость и уверенность в своих силах, родившаяся благодаря тому, что любимое оружие позволяет эффективно заниматься любимым делом – сражаться. Ведь для шина, для мужчины не было лучшего дела, более благородного занятия, чем идти на войну и возвращаться с победой. Немудрено, что к предмету, который помогает в этом, относятся с искренней привязанностью и обращаются к нему как к живому существу, а не как к неодушевленной вещи.

Восемьсот лет спустя после описанных событий появи-

лись потрясающие поэмы Гомера (мы не касаемся споров относительно личности поэта, но точно установлено, что он жил и писал около 850 г. до н. э.). События, на которых были основаны поэмы, произошли за много сотен лет до описаний, и рассказы о них передавались из уст в уста. Гомер изображает как мысли, так и действия своих героев удивительно ярким и живым языком, и как в его время, так и в Греции классического периода, да и в течение всей истории Римской империи и периода Средневековья его рассказы считались абсолютно достоверными, пока скептики XVIII–XIX вв. не нарекли их сказочками. Затем, в конце XX в., благодаря открытиям Генриха Шлимана и сэра Артура Эванса они окончательно превратились из недостоверных легенд в безусловные, доказанные исторические факты. Археологи обнаружили саму Трою, Золотые Микены и дворец Миноса на Крите. Шлиман считал даже, что в одной из могил, открытых в Микенах, ему удалось найти тело царя Агамемнона. Доказано, что этот человек жил приблизительно тремястами годами раньше, чем герои Гомера; однако это никак не умаляет величайших открытий человека, посветившего свою жизнь тому, чтобы вернуть к жизни легенду.

Вероятно, наиболее ценный результат этих археологических открытий – это подтверждение того факта, что Троя была не вымыслом, а вполне реальным городом. Это придает глубочайший реализм описаниям гомеровских персонажей, объясняет его внимание к мельчайшим деталям их поведе-

ния. Так, мы ясно видим спящего Диомеда:

«Они подошли к Диомеду, сыну Тедея, и увидали, что он лежит на свежем воздухе возле хижины, одетый в доспехи. Его люди спали вокруг, подложив под головы вместо подушек щиты, воткнув копья заостренными концами в землю. Бронзовые наконечники их сверкали издалика, как молнии Отца-Зевса. Нестор-колесничий подошел прямо к Диомеду, разбудил его, толкнув ногой, и начал насмехаться, чтобы побыстрее поднять воина на ноги. «Просыпайся, сын Тедея, – говорил он, – почему это ты с таким удобством проспал всю ночь? Разве ты не заметил, что троянцы сидят на равнине над нами, а до их кораблей можно без труда докинуть камень?»

Диомед, проснувшись и мгновенно вскочив, ответил, волнуясь: «Ты сильный человек, и тебе не нужно и минуты на отдых. Разве ты самый младший во всей армии, чтобы бродить здесь кругом и будить царей? Многоуважаемый господин, здесь нет никого, кто мог бы тебе приказывать».

Здесь, надо сказать, легенда обретает плоть. Стоя на месте раскопок Шлимана, мы стоим на той самой земле, по которой многие сотни лет назад ходили герои Гомера, где они сражались и умирали, и как бы воочию видим события, о которых говорится в его поэмах.

Теперь мы подходим к тому моменту, когда можно начать сравнивать реальное оружие и доспехи, найденные при рас-

копках, с тем, что говорят о них поэты. Как ни странно, но таких описаний у Гомера очень мало. Возможно, это связано с тем, что жители Средиземноморья никогда не относились к своему оружию с таким романтическим благоговением, как это делали тевтоны, кельты и индусы, а также их отдаленные собратья по духу – японцы. Минойцы, египтяне и шумеры, как и китайцы, не любили воевать и, напротив, высмеивали и бранили солдат. Микенцы и греки классического периода относились к индоевропейским народам, а значит, были грозными воинами, но считали оружие пригодным только для войны и относились к нему без малейшего налета романтики, исключительно прозаически – полезный инструмент, да и только. Конечно, и древние греки считали оружие достойным объектом для украшения: единственный раз, когда Гомер позволил себе подробно остановиться на описании доспехов, это песнь, в которой рассказывается о щите, выкованном Гефестом для Ахилла. Однако даже здесь поэт описывает только чеканные рисунки, которыми бог украсил щит. Конструкция защитного приспособления, по-видимому, его не интересовала; только вещь, которую можно было назвать произведением искусства, поэт считал достойной описания. Это говорит о том, что греки не видели в своем оружии одушевленных предметов и уж тем более не поклонялись ему – всего лишь использовали во время войны и откладывали в сторону, как только отпадала необходимость.

Пожалуй, римское отношение к оружию можно назвать

еще более прозаическим, близким к нашему. Гражданские лица боялись и избегали его, а военные относились как к части обмундирования, чистили и содержали в порядке постольку, поскольку плохое состояние оружия грозило неприятностями от начальства и ранами во время сражения, но не питали к нему ни малейшей любви. Тацит, описывая особенно воинственное германское племя, входившее в союз с Римом и заслужившее своим участием во время военных действий особое отношение, говорит:

«С них... не собирают дани, и сборщики налогов обходят их стороной. Свободные от податей и особых сборов, хранимые для боя, они, как оружие и доспехи, «должны использоваться только во время войны».

По этому отрывку можно достаточно верно судить об отношении римлян к своему оружию. Людей годных для боев освобождали от податей и берегли до тех пор, пока не возникнет в них необходимость. Вероятно, с особым чувством легионер в мирное время чистил и точил свой меч, не давая ему затупиться и подвести в тот момент, когда клинок понадобится в бою. Насколько же отличаются в этом плане германцы, о которых историк написал:

«Никакое дело, ни личное, ни общественное [говорил он], не ведут иначе, как при оружии. Но есть одно правило: никто

не должен поднимать оружие до тех пор, пока государство не решит, что он сумеет правильно его использовать. Когда приходит время, то один из вождей, или отец, или соплеменник на публичном совете дает юному воину копье и щит».

И еще вот описания того, как проходит совет:

«...Если они одобряют это, то лязгают своими копьями. Нет такой формы согласия, которая была бы более почетна, чем та, что выражена с помощью оружия».

Здесь, надо сказать, мы видим зачатки средневекового обряда посвящения в рыцари и доказательство того, какое огромное значение придавалось оружию в дни мира, а не только войны. Для доказательства этого читаем:

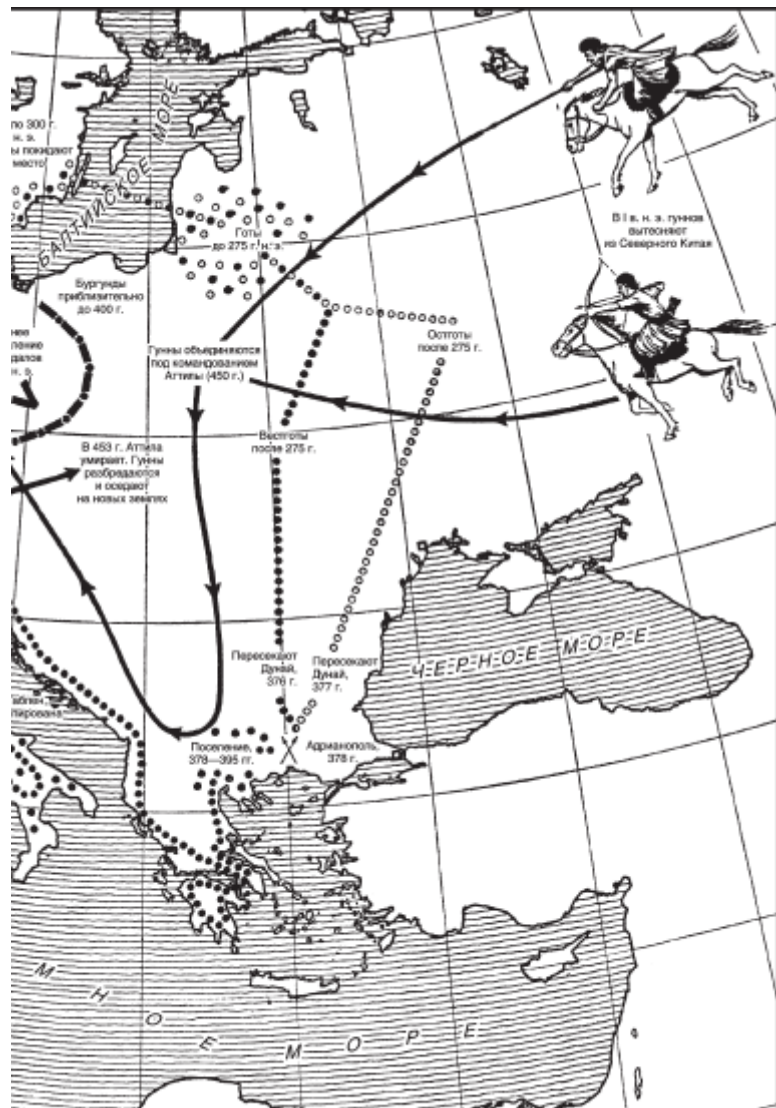
«Позор для вождя, если на поле брани кто-нибудь из воинов превзойдет его мужеством (здесь имеются в виду воины, подчиненные лично ему) или не будет так же мужественен, как и он сам. Что же касается до того, чтобы живым покинуть поле боя после смерти вождя, то это позор и бесчестие на всю жизнь. Быть по-настоящему верным означает охранять и защищать его, совершать подвиги ему во славу. Вожди сражаются ради победы, а воины – ради своего предводителя. Многие знатные юноши в том случае, если в их родных землях слишком долго царит мир, намеренно отправляются ту-

да, где вскоре должна начаться война. Германцы не любят жить мирно, поскольку имя себе проще заслужить в минуту опасности, а большой отряд сподвижников можно собрать только обещанием насилия и боя. Воины без стеснения взымают к щедрости своего вождя и вечно требуют: «отдай мне этого боевого коня», или «отдай мне это кровавое и победоносное копье». Что до еды, простой, но изобильной, то она считается платой за службу. Для того чтобы проявлять такое великодушие, вождю необходимо постоянно сражаться и привозить домой добычу. Очень сложно убедить германца обрабатывать землю и терпеливо ждать ежегодного урожая вместо того, чтобы сразиться с врагом и ранами заслужить награду: он считает малодушными и слабыми тех, кто просит вместо того, чтобы заплатить кровью за добычу».

И это написано римским историком эпохи Траяна? Отрывок больше похож на описание жизни европейских рыцарей; людей, которые основным занятием считали войну, не мыслили себя без оружия и были (по крайней мере, должны были быть) абсолютно преданы своему господину. На основе отношения к вождям, которое практиковалось германскими племенами, сложилась система вассальной верности, да и не только она. В некотором смысле воззрения Древнего мира – это основа рыцарской философии; без таких понятий, как учтивость, смирение, галантность (абсолютно неизвестные диким германцам проявления более зрелой цивили-

зации) и конечно же религиозность. Можно вполне обоснованно считать, что последняя существовала у кельтских народов Галлии и Британии в латентном состоянии. Слияние этих добродетелей с более суровыми тевтонскими идеалами со временем привело к расцвету рыцарства.

Часть первая

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Глава 1

«Безжалостная бронза»

Когда в начале второго тысячелетия до н. э. индоевропейцы двинулись на завоевание Древнего мира, они принесли с собой новую концепцию ведения войны, основанную на использовании быстроходных колесниц, запряженных лошадьми. Повозками правили колесничие, а рядом с ними сидели вооруженные луками воины. Появление новых приемов боя и, как следствие, возникновение нового оружия (или, по крайней мере, модернизация старого) дают новые идеи археологам. Впрочем, нельзя сказать, что им пришлось восстанавливать вид древних колесниц по результатам раскопок, за это следует благодарить шумеров, оставивших после себя столько сосудов из красной глины, принадлежащих к раннему династическому периоду I (3500 г. до н. э.). На стенках сосудов изображены легкие двухколесные тележки с высоким передком, запряженные ослами или рогатым скотом. Благодаря находке из царских гробниц города Ур мы можем ясно представить себе эти колесницы с цельными ко-

лесами (два полудиска, соединенные вместе на оси). Вероятно, это были очень медленные и неуклюжие повозки, но даже в таком виде они наводили страх на врагов шумеров. Прежде всего, имела значение скорость. Запряженная парой тележка, даже в том случае, если в ней сидело несколько воинов, могла двигаться быстрее, чем идущий человек. Возникал эффект неожиданности, и, воспользовавшись им, воины побеждали большую армию еще до того, как пешие борцы успевали опомниться и понять, что же происходит. Устрашающий грохот тяжелых колес, рев быков и воинственные кличи должны были сеять панику еще до своего приближения, затем в ход шло метательное оружие – и сражение фактически заканчивалось еще до того, как войска сходились на достаточное расстояние для рукопашной. У людей, привыкших к пешему бою, не было ни необходимых навыков, ни оружия, специально приспособленного для противостояния незнакомой угрозе, поэтому они ничего не могли поделать с завоевателями, обязанными своим успехом почти исключительно технике боя, незнакомой другим.

В самом начале II в. колесницы, но уже с модификациями, использовали и в Малой Азии. У жителей этого региона были легкие повозки на колесах со спицами, запряженные парой лошадей, т. е. транспорт намного более быстрый, чем тяжелые, снабженные неудобными колесами повозки индоевропейских племен. Вскоре после того именно подобные колесницы появились в государствах Эгейского моря. В самой

Греции они оказались еще до 1500 г. до н. э., а на Крите – приблизительно в 1450 г. до н. э. Столетием позже или около того, по некоторым свидетельствам, ахейские юноши из знатных семей отправились в столицу гиттитов, чтобы тренироваться в управлении колесницами.

Рис. 1. Колесница из гробницы в Микенах

Во времена Древнего и Среднего царства египтяне не знали колесниц, но между 1750-м и 1580 гг. до н. э., т. е. приблизительно на пару столетий, их страну оккупировали азиаты, называвшие себя гиксосами. Захватчики, народ индоевропейской группы, колесницы использовали, поэтому вскоре после того, как энергичные правители Фив приблизительно в 1580 г. изгнали их из Дельты, египетские солдаты тоже взяли на вооружение этот способ ведения войны. Первый фараон, начавший наступление в сторону Палестины (Аменхотеп I, 1550 г.), использовал отлично тренированные отря-

ды на колесницах в качестве первой ударной силы во время своих победоносных походов. После этого в течение еще 150 лет правители Египта один за другим посылали свои войска на север, в Сирию, пока к 1400 г. все земли до Евфрата не покорились им. Затем начался неизбежный упадок, египтянам пришлось бороться с такой впечатляющей силой, какой сделались индоевропейские племена хеттов, ставших к 1270 г. могучей нацией. В грандиозном столкновении, произошедшем между двумя народами в XIII столетии до н. э., исход битвы решили колесницы, так же как в XIII столетии новой эры все решалось на поединке между конными рыцарями.

Всем знаком вид египетских повозок, изображения которых часто встречаются в рельефах на стенах храмов и гробниц. Критские и микенские варианты менее знакомы большинству людей, хотя и их можно увидеть на различных произведениях искусства минойско-микенского периода (рис. 1). В Египте сохранилось несколько настоящих колесниц, а в Метрополитен-музее в Нью-Йорке выставлена колесница этрусков, окованная бронзой. Ее нашли при раскопках в Монтелеоне, Италия. Впрочем, вероятнее всего, она использовалась не на войне, а участвовала в церемониях, поскольку в VII в. до н. э. цивилизованные жители Средиземноморья применяли такие повозки в спортивных или церемониальных целях. Древние традиции продолжали варвары, в частности, обитатели кельтского Запада, сохранившие их вплоть до начала британских завоевательных кампаний

под предводительством Агриколы. Есть множество литературных источников, рассказывающих о конструкции кельтских колесниц и подтвержденных археологическими находками, полученными при раскопках могил вождей.

Таким образом, более тысячи лет славные колесничие по всему миру решали исход битвы. Затем, в IV в. до н. э., появились армейские подразделения, во многом похожие на древнеегипетские, но бесконечно более грозного вида – это были римские легионы. Немного прошло времени, прежде чем маятник истории качнулся в другую сторону и легионеры начали сметать все на своем пути. В следующие 600 лет римская пехота являлась практически единственной военной силой в цивилизованном мире, с которой стоило считаться, однако даже при этом за пределами их северных и восточных границ жили целые нации непокорных варваров. Аммиан Марселлин около 400 г. н. э. писал:

«В то время, даже несмотря на то что по всему миру римляне праздновали победу, неистовые племена волновались и готовились броситься вперед, расширяя свои владения».

Эти нации оказались силой, которая со временем заставила все тот же маятник снова прийти в движение; варвары наполнили империю и действовали уже не с помощью колесниц, как прежде, а с помощью тяжелой кавалерии. Оружие, предназначенное для непосредственного соприкосновения с

врагом, снова стало основным до тех пор, пока в XIV столетии не ослабили его влияния английские лучники со стрелами длиной в ярд. Окончательно оно вышло из употребления после того, как с усовершенствованием пороха в XV в., в свою очередь, появилась принципиально новая концепция ведения военных действий.

В моих рассуждениях пока было много обобщений; извинением мне служит тот факт, что в этой книге необходимо было хотя бы упомянуть о потрясающих событиях, предшествовавших периоду Средневековья. Другая причина состоит в том, что в истории существовало только два периода, когда личное оружие, предназначенное для боя (в том случае, если делалось качественно), было еще и прекрасным. Один из этих периодов принадлежит к концу Средних веков, поскольку во второй половине XV в. практически любое оружие или элемент доспехов, сделанных хорошим мастером, были сделаны красиво – по форме, а не по орнаменту. Об этом мы узнаем позже; но второй период относится к доисторическим временам. Во времена, которые можно относительно неточно называть кельтским железным веком (или, более определенно, культурой Ла-Тене), оружие и доспехи, хотя и гораздо реже, чем это было в XV в., отличались совершенством формы и при этом были украшены необыкновенно впечатляющими, мастерскими рисунками. Я сожалею о том, что вынужден обойтись без иллюстраций и ограничиться простым описанием, несмотря на то что

этого крайне недостаточно. Эти вещи являются великими произведениями искусства, и говорить о них словами совершенно неуместно. Их нужно просто видеть – они сродни самому лучшему, что смогла породить человеческая культура в области прекрасного. Оружие, которое являлось постоянным спутником, неизменной принадлежностью повседневной жизни и защитником, делали с любовью, и каждый предмет обладал безусловной индивидуальностью. Среди изделий Древнего мира есть похожие, но нет абсолютно повторяющихся – мастера вкладывали всю свою фантазию, создавая произведения, на которые, безусловно, стоит посмотреть.

Основой любой тактики ведения сражений, которая оставалась неизменной в течение приблизительно трех тысяч лет, несмотря на появление боевых колесниц или – позднее – длинных луков, пушек или мушкетов, была рукопашная схватка, оружием в которой служили меч и щит. Люди раннего бронзового века пользовались большими круглыми щитами и превосходными мечами, пригодными как для нападения, так и для защиты. На вазах, созданных в Греции классического периода, можно увидеть сцены сражений с применением этого оружия. Точно так же воевали кланы шотландских нагорий, пользуясь палашами и маленькими круглыми щитами.

Сам по себе щит – наиболее простой и примитивный вид защитного вооружения. Не надо обладать чересчур живым воображением, чтобы представить себе охотника времен па-

леолита, который хватает первое, что попало под руку, пытаясь защититься от копья с кремневым наконечником, брошенного рассерженным соседом по пещере. От этого совсем недалеко до плетеной рамы, покрытой кожей. Щит – один из наиболее эффективных видов снаряжения, предназначенного для защиты от врага, какой только можно придумать, при этом он абсолютно универсален в использовании. Поэтому такой вид оружия сохранился в горных районах Шотландии до XVII в., и даже в наше время все еще существует в своем изначальном виде в тех частях мира, где люди живут в достаточном удалении от прелестей баллистического оружия, хорошо знакомых современной цивилизации.

Западные круглые щиты, принадлежащие к бронзовому веку, обычно были плоскими, с диаметром приблизительно два фута. В центре находилось отверстие с заклепкой, к которой с внутренней стороны крепилась полоса, предназначенная для ручного захвата. Это вещи, сделанные с большим мастерством; наиболее распространены щиты, украшенные округлыми концентрическими бороздами, в промежутках между которыми рассыпаны маленькие выпуклости. При их изготовлении на тонкий слой металла натягивали мокрую кожу, прижимали ее к бороздам и оставляли сохнуть. Кожа сжималась, делалась жесткой и превосходно обтягивала бронзовую основу щита, служа дополнительной защитой. Вероятно, такие предметы экипировки носили исключительно вожди и знатные члены клана, однако можно смело до-

пустить, что в то время любой воин, имевший меч и щит, и был знатен, ибо война была занятием элитным, требовавшим тренировок, которые начинались с самого детства и не заканчивались до смерти (обычно сравнительно ранней, поскольку мало кто доживал до старости в те беспокойные времена). Серьезное владение мечом – это искусство, которое нельзя получить за один день, и оно вырабатывает навыки, требующие постоянного развития и совершенствования. Даже огнестрельное оружие требует некоторого мастерства, так что же говорить о бое на мечах, где все зависит от умения, хладнокровия и развитой, отточенной реакции? Если к какому-либо землепашцу чудом и попадало оружие, он не всегда мог им воспользоваться – на это способен только хорошо обученный воин.

В каменном веке люди сражались топорами и копьями, но меч никогда не относился к категории примитивного оружия; его самые ранние формы были столь же изысканными и элегантными, как и самые поздние. В этом смысле бронзовый век стоит на одной ступени с просвещенным двором короля Людовика XV, несмотря на то что их разделяют тридцать веков. Первыми металлическими инструментами были топор и нож, причем и тот и другой, хотя бы вначале, предназначались для хозяйственных нужд. На ранней стадии совершенствования технологий вещи, изначально воплощенные в камне, стали изготавливать из металла. Нож превратился в копье после того, как его просто-напросто насадили на

длинную палку, а первым метательным оружием сделался топор, насаженный на палку покороче. Судя по всему, прототипом формы меча были ножи минойского Крита и кельтской Британии, поскольку там он появился примерно в одно и то же время, между 1500-м и 1100 гг. до н. э. Как средиземноморский, так и западный типы мечей относились к категории колющего оружия, рапир, но то, что предком последнего был нож, очевидно. Попытки увеличить остроту этих ножей (или, если угодно, кинжалов) привели к изменению формы лезвия: в кургане в Хельперторпе (Йоркшир) найден узкий бронзовый нож, снабженный на конце тонким шипом (рис. 2, а). Скорее всего, изначально он был той же формы, что и лезвие, нарисованное рядом. Это можно утверждать, представив себе, насколько эффективным нож такой формы был бы в нападении. По-видимому, некоему кузнецу пришла в голову мысль изготовить такой же, но только больше и лучше. Правда это или нет, но достоверно одно: самые ранние мечи, найденные в Западной Европе, выглядели абсолютно так же.

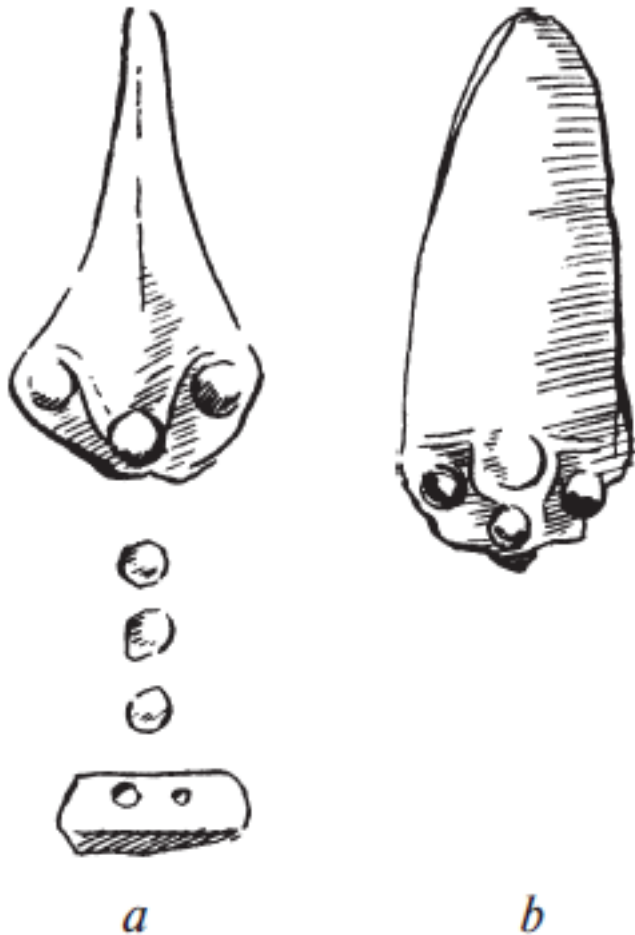

Рис. 2. а – бронзовый нож из Хельперторпа (Йоркшир). Показано, как он заточен для того, чтобы

образовалось острие; b — лезвие похожего ножа, незаточенное

Это было отличное оружие; ни в одной стране тогда не производили ничего, что могло бы сравниться с мечом, который археологи обнаружили при раскопках в Ирландии (рис. 2, b). Его длина составляет приблизительно 30 дюймов, а ширина не более $\frac{5}{8}$ дюйма в середине лезвия; сечение превосходной, сложной ромбовидной формы. Хотя область распространения таких находок не ограничивается территорией Британских островов, они родились здесь, причем, скорее всего, именно в Ирландии, поскольку лучшие из них, да, собственно, и вообще подавляющее большинство были обнаружены не где-нибудь в другом месте, а именно там.

Рис. 3. Бронзовый меч раннего периода из Пенс-Питс, Сомерсет. Коллекция Блэкмора, Солсбери

Некоторые из этих рапир хранятся в коллекциях английских музеев. Тот экземпляр, что вы видите на рис. 3, нашли в Сомерсете. Она довольно короткая и действительно похожа на большой кинжал прекрасной формы (изгибы в верхней части изумительно симметричны). Вдоль лезвия тянутся

две ровно разделенные бороздки, поднимающиеся мимо изгибов к шпеньку в форме веера, а здесь уже с помощью двух заклепок крепился эфес. Такая же рапира, но немного больше по размеру, была обнаружена в Шапвик-Даун и сейчас находится в Британском музее. Еще большую, 27 дюймов в длину, нашли в Темзе поблизости от Кью. Она хранится в музее Бренфорд (владеющем превосходнейшей коллекцией бронзового оружия). Однако ни одну из них нельзя сравнивать с мечом из Лиссена. Единственное, что достойно такого сравнения, это меч с острова Крит, обнаруженный в склепе времен позднего минойского периода II. Его лезвие той же длины, что и у лиссенского меча, хотя немного шире, и он имеет почти такое же сечение (см. рис. 10, а).

*Рис. 4. Экспериментальный тип меча. Середина
бронзового века. Найден во Франции, в настоящее время
находится в коллекции Блэкмора, Солсбери*

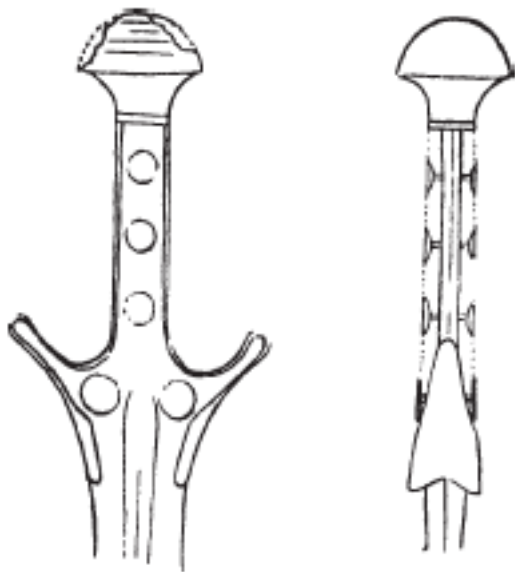

Рис. 5. Сборка рукояти критского меча

Рапиры, найденные на Крите и в Микенах, представляют собой более весомое оружие. Их клинки тяжелее и, по большей части, шире, а метод крепления эфеса – лучше. Рукояти кельтских рапир крепились к плоским плечикам заклепками. В этом была их слабость, поскольку при боковом ударе мало что могло помешать заклепкам пробить тонкий слой бронзы и выскочить наружу. Фактически у более чем

половины образцов, найденных, к примеру, в Пенс-Питс, одна или более заклепок выдернуты именно таким образом. До тех Пор пока этот вид оружия использовали только для колющих ударов, все было нормально, но инстинкт в бою подсказывает человеку рубить врага, поскольку естественное движение – нанести удар по сегменту круга, центром которого является плечо. Прямой выпад – это искусство, которому приходится учиться и которое быстро забывается % пылу сражения. Возможно, что именно это слабое звено рапиры побудило мастеров приложить большие усилия для того, чтобы усилить место скрепления клинка и эфеса. В Восточной Европе найдено множество различных типов мечей, и во всех случаях видно, что постепенно усовершенствовалась рукоять. Через тысячу лет, в раннем железном Эеке, стали видны уже признаки системы нового крепления клинка к эфесу. Теперь хвостовик представлял собой узкий стержень, составлявший часть клинка; он проходил прямо через рукоять и загибался вверху. Прекрасный образец этого экспериментального типа, найденный во Франции, хранится в коллекции Блэкмора, в Солсбери (рис. 4). Здесь верхняя часть хвостовика утолщена, а не загнута; возможно, что рукоять представляла собой просто-напросто полоски кожи, обернутые вокруг хвостовика между его утолщенным концом и плечиками лезвия, хотя, судя по двум отверстиям для заклепок на этих плечиках, можно предположить использование чего-то более существенного. Тем не менее к середи-

не бронзового века был разработан более надежный тип рукояти: она походила на минойско-микенский вариант и, возможно, вела свое происхождение именно от него. Хотя эти микенские мечи предназначались для нанесения колющих ударов, они были достаточно прочными для того, чтобы ими при необходимости можно было рубить. На рис. 5 видно, что клинок и тонкий хвостовик отливались одним куском, а затем их со всех сторон обкладывали костяными, деревянными, серебряными или золотыми пластинами, которые крепились заклепками таким образом, чтобы сформировать надежную и удобную рукоять. Этот тип эфеса стал универсальным для всей Европы, вместе с лезвием, которое осталось непревзойденным как с точки зрения использования в рукопашном сражении, так и по красоте очертаний и пропорций. Оно предназначалось для нанесения одинаково эффективных колющих и рубящих ударов, поэтому кончик лезвия был достаточно длинным и острым, чтобы нанести смертельную рану, и в то же время его края на изгибе были заточены так, чтобы идеально подходить для рубки. Изгиб, идущий к рукояти, был создан с расчетом на то, чтобы дать возможность при необходимости ударить назад, за спину (рис. 6).

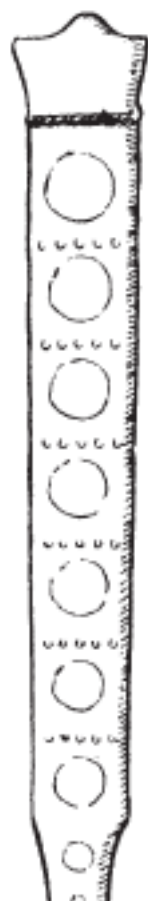
По-видимому, в период позднего бронзового века (1100–900 гг. до н. э.) мечи этого типа использовались на всей территории Европы, и вне зависимости от того, были ли они большими и мощными или довольно-таки небольшими, форма их клинков, похожих на удлиненный листок, практически не менялась. Кроме размера и периодического наличия орнамента, разница между ними заключалась в форме плечиков, т. е. места, где клинок переходил в рукоять. К концу бронзового века стали популярными мечи других типов, существуют три различных варианта, которые были распространены на необыкновенно большой территории (рис. 7). Происхождение двух из них – длинного гальштаттского меча и сравнительно редкого типа, который британские археологи называли «Язык Карпа», ведущего свое происхождение из Южной Британии, – а также меча «Швед», или «Долина Роны», можно проследить до конкретного района, где появился оригинал.

Рис. 7. Три меча периода позднего бронзового века.

Типы: а – «Гальштатт», b – «Язык Карпа», с – «Долина Роны»

В действительности гальштаттские мечи принадлежат к раннему железному веку, и, хотя первые изделия этой культуры были отлиты из бронзы, будет более правильно перейти к их рассмотрению в следующей главе. «Язык Карпа» был крупным оружием с любопытной формой лезвия: его края шли параллельно друг другу на две трети длины, а затем резко сужались к кончику. Очень красивый меч этого типа был найден в Темзе поблизости от Кью (музей Бренфорд). Большинство из этих образцов находят в виде отдельных фрагментов, среди осколков и кусочков, которые хранят у себя любители бронзы. Очень немногие мечи сохранились целиком. По-видимому, все эти мечи составляли отдельную группу – некоторые из них обнаружены на юго-востоке Англии, другие – во Франции и Италии, но их никогда не находят в Центральной Европе или Скандинавии. На рис. 8 изображен один из них, особо интересный благодаря тому, что у него сохранилась рукоять и бронзовые ножны. Он найден в Париже, в Сене, и в настоящий момент выставлен в Музее Армии.

Мечи типа «Долина Роны» по большей части сравнительно малы. Некоторые из них скорее напоминают длинные кинжалы, однако встречаются и довольно массивные экземпляры. У каждого из них рукоять отлита из бронзы по индивидуальному образцу (рис. 9). Приблизительно такие рукояти мы видим на аттических краснолаковых сосудах классического греческого периода: их сжимают в руках воины. Эти картины на 500 лет старше бронзовых мечей, которые, очевидно, являются прототипами греческих образцов. Возможно, что они попали в Элладу через колониальные порты в Марселе или на Антибских островах или через другие порты, находившиеся поблизости от устья Роны. Рукояти мечей этого типа, судя по всему, являются прямыми предшественниками «антенных» и «антропоморфных» изделий позднего бронзового века. Здесь концы длинного навершия разделяются на два длинных, тонких кончика, которые загибаются вовнутрь в виде спирали, иногда в виде усов, а иногда — в виде тугого свитка из многих колец или двух ветвей, похожих на поднятые вверх человеческие руки. Некоторые из рукоятей антенных мечей напоминают тип «Долина Роны» и имеют нечто вроде короткой гарды в виде поперечины, в то время как другие более похожи на бронзовые рукояти Северной или Центральной Европы. Мечи этого типа находили в Скандинавии, Англии, Франции и Моравии, но боль-

шая часть приходит из Прованса и Северной Италии. Похожие мечи, также ведущие происхождение из Италии, можно встретить в поздний гальштаттский период.

Бронзовые мечи из Скандинавии следует рассматривать как отдельную группу, поскольку они резко отличаются от других своим превосходнейшим качеством и характерной формой. Они более прямо восходят к минойско-микенским прототипам, чем какие-либо другие мечи бронзового века. В то время скандинавы имели самые близкие культурные и торговые связи с эгейцами, и фактически самые ранние образцы бронзовых мечей, появившиеся на севере, могли быть завезены с юга¹. Независимо от того, так это или нет, рукояти датских мечей ранней части этого периода обладают характеристиками, присущими минойским мечам, а все лезвия (которые обычно бывают длинными и очень тонкими) имеют, как и микенские, жесткое ребро, идущее строго по центральной линии клинка. На севере не находили ничего похожего на ирландские рапиры, но, судя по всему, практика фехтования была сходной, поскольку элегантные, длинные и узкие клинки этих ранних мечей и прекрасно выраженные центральные ребра ясно указывают на то, что они были предназначены для нанесения колющих ударов. Как и ирландские рапиры, эти мечи уступили место другим образ-

¹ В моей коллекции находится меч, который, судя по всему, может служить доказательством существования торговых связей между Восточным Средиземноморьем и Западной Европой. Этот образец, характерный для микенского типа, тем не менее найден в Темзе.

цам, клинки которых были ближе к универсальной листовидной форме, а рукояти делались не из твердой литой бронзы, а, подобно обычным европейским типам, состояли из костяных или деревянных пластин, прикрепленных заклепками к очень прочному, расширяющемуся на конце хвостовику. Ближе к концу этого срединного периода мы обнаруживаем массивные клинки, в которых едва ли прослеживается сходство с листовидными образцами: их кромки идут практически параллельно, а кончики, хотя и соразмерные, никак нельзя назвать острыми. Техника исполнения по-прежнему достойна восхищения, но стала гораздо проще: мечи перестают так мастерски украшать и тщательно разрабатывать, как это делалось в более ранний период. Они столь же очевидно предназначены для нанесения рубящих ударов, как их предшественники – для фехтования.

Таким образом, мы видим, что везде первые мечи предназначались для нанесения колющих ударов; доказательством тому служат микенские, датские и ирландские образцы. Затем постепенно фехтование уступает место рубке – более естественному, не требующему особой тренировки способу ведения боя, и, как следствие, возникают клинки, предназначенные для нанесения как колющих, так и рубящих ударов. Затем наконец фехтование практически выходит из употребления, и мечи начинают делать с расчетом исключительно на рубку – это можно видеть на примере бронзовых мечей позднего периода (галыштаттский тип из Австрии или дат-

ские мечи).

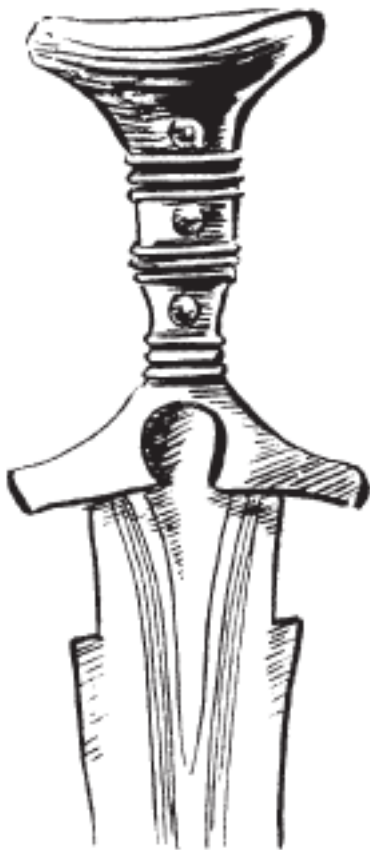

Рис. 9. Рукоять меча «Долина Роны». Поздний бронзовый век. Из Швейцарии, сейчас находится в Британском музее

В последние годы в среде скандинавских археологов возникло множество споров и сложились две школы с противоположными мнениями по вопросу о предназначении мечей бронзового века: служили они для фехтования или для рубки. Приверженцы каждой из сторон твердо придерживаются крайних взглядов, но, судя по всему, к сожалению, их исследования охватывают только скандинавские мечи, в то время как они стараются применить свои теории ко всему бронзовому веку, вне зависимости от периода или региона, в котором создано оружие. Между тем подобный подход представляется мне в корне неверным: необходимо, объективности ради, выбрать одно из двух – либо заниматься историей скандинавских мечей бронзового века и строить теории в этой области, либо все-таки рассматривать оружие всех стран в означенный период и в своих рассуждениях исходить из полной и детальной информации, на основе которой уже можно сделать обоснованные выводы.

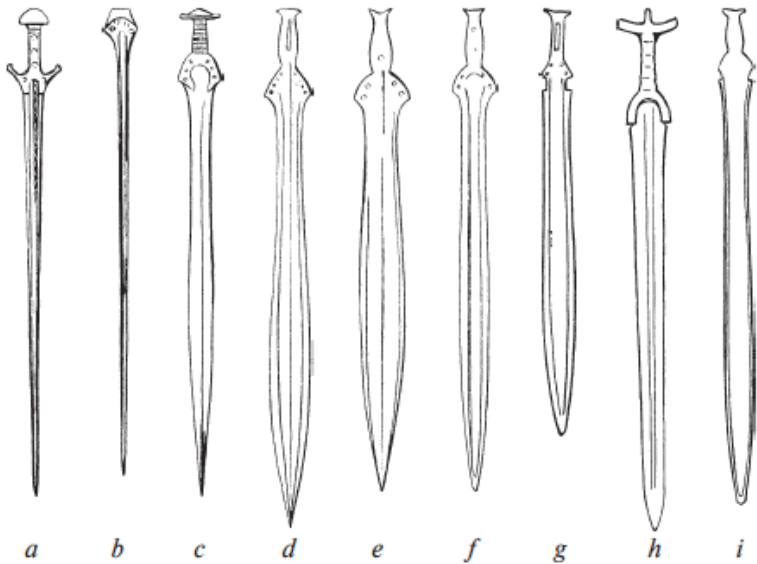

Рис. 10. Три меча раннего бронзового века: а – Крит; б – Ирландия; с – Дания. Три меча середины бронзового века: d – Англия; е – Италия; f – Микены. Три меча позднего бронзового века: g – Великобритания; h – Дания; i – Австрия (Гальштатт)

Поскольку в археологии немаловажным является человеческий фактор (то, каким образом первоначальный владелец использовал вещи, которые для нас являются всего лишь «остатками»), а сторонники противоборствующих теорий настолько решительно уклоняются от исследования этого момента, имеет смысл подробнее остановиться на этом

предмете. Даже при самом поверхностном изучении материалов по *всему* бронзовому веку становится совершенно ясно, что сначала все мечи предназначались в основном для фехтования; в более позднее время они делались так, чтобы можно было наносить и колющие и рубящие удары, и в последнем периоде мечи создавались в основном для рубки. Это происходило повсеместно и не относится к той или иной конкретной части Европы. На рис. 10 я подряд поместил изображения девяти основных типов мечей, начиная от самого раннего и заканчивая самым поздним, и, на мой взгляд, они сами по себе достаточно ясно говорят о намерениях своих изготовителей. Поскольку сторонники «фехтовальной» теории более настойчивы в своих притязаниях на истину и при этом вдобавок их мнения наиболее ограничены и бездоказательны, я начну с них.

Они основывают свои утверждения на трех основных пунктах, каждый из которых мы будем обсуждать отдельно.

1. Говорят, что мечи бронзового века предназначались для фехтования «за счет своих узких, остроконечных клинков с тонкими острыми краями, жесткого срединного гребня или рубца и слабого соединения клинка и рукояти». Надо думать, что они ссылаются исключительно на ранние типы оружия, но в то же время у нас пытаются вызвать уверенность, что это определение относится ко всем мечам упомянутого периода. Голословность этого утверждения ясно вид-

на при одном взгляде на мечи середины или конца бронзового века, у которых нет узких, остроконечных клинков. То же самое возражение относится и к «слабому соединению клинка и рукояти». У ранних датских мечей, как и у ирландских рапир, это соединение и в самом деле было довольно хрупким, поскольку короткие рукояти из литой бронзы крепились на плечиках меча только заклепками, на ирландский манер. Однако практически у всех мечей более позднего времени хвостовик (сам по себе являвшийся рукоятью, которую нужно было со всех сторон прикрыть пластинами из других материалов исключительно ради удобства) отливался вместе с лезвием и являлся его частью, и, таким образом, для того чтобы сломать его, нужно было сломать сам клинок. Если бы сторонники этой теории не пытались применить утверждение, верное для начала бронзового века, ко всему периоду, оно не вызывало бы никаких возражений.

2. Далее утверждается, что «ни на одном из хорошо сохранившихся лезвий меча бронзового века нет ни зарубок, ни других следов использования в качестве рубящего оружия». Это нелепость. В музеях Европы выставлено бесчисленное множество бронзовых мечей, очень хорошо сохранившихся и с зазубринами на лезвиях, имеющими вполне понятное происхождение; кроме того, на лезвиях видны явные следы заточки и полировки. Однако на скандинавских мечах таких следов нет. Практически на любом оружии скандинавского бронзового века, будь то меч или топор, отсутствуют

следы износа, а найденные там щиты и шлемы – тонкие и хрупкие, без малейших выбоин. Существует единое мнение, что этот период для Скандинавии был чем-то наподобие золотого века: мирное, богатое время, расцвет культуры. Величественные и неизношенные мечи и боевые топоры, красивые, но тонкие и бесполезные щиты и шлемы являются неплохим доказательством этого; не обремененное необходимостью вести войну, это оружие являлось скорее частью церемониального наряда и символом ранга своего владельца.

Рис. 11. Воины на инталии из Микен

3. Ссылаются на изображения боевых сцен с микенских инталий и из золота и камня, причем говорят, что «на всех иллюстрациях воины пользуются длинными мечами для того, Чтобы колоть противника, и только с этой целью». Все верно. На инталиях это так и есть, но все они датируются 1700–1500 гг. до н. э., т. е. началом бронзового века, когда единственным методом ведения боя было фехтование, и на

них изображены воины, жившие в чрезвычайно ограниченном регионе, где мечи использовались только как колющее оружие, так что эти сведения мало что добавляют к нашим знаниям и никак не помогают доказательству вышеупомянутой теории. Есть еще одна вещь, которую нужно учитывать, говоря об этих иллюстрациях: все они должны были занимать очень небольшое пространство, размеры которого строго ограничивались. Если вы посмотрите на некоторые из них (к примеру, на рис. 11), то сразу же увидите, что художник *не мог* изобразить человека, рубящего своего противника: в этом случае его рука и большая часть меча не поместились бы на картине. Бывает, что произведения искусства считаются безусловным доказательством, и при этом совершенно не учитываются ограничения, накладываемые обстоятельствами на художника, — в данном случае те, которые связаны с изображаемым объектом.

Те, кто придерживается «теории рубки», имеют более серьезные аргументы, но и они, в свою очередь, игнорируют существование ранних фехтовальных мечей. Парадокс заключается в том, что именно эти мечи являются одним из наиболее весомых аргументов в пользу правильности их мнения. Как я уже говорил ранее, в девяти случаях из десяти заклепки на рукояти британских мечей выскакивали со своих мест, пробивая слой бронзы на клинке, *потому, что мечи использовали не по назначению, нанося ими рубящие*

удары. Это прямое доказательство того, что люди отдавали естественное предпочтение использованию таких ударов в сражении с врагом. Между прочим, совершенно не важно, что до середины XVIII столетия не существовало методики сражения, которая бы опиралась только на фехтование, без применения рубящих ударов. Хотя итальянские и испанские фехтовальные школы с начала XVII в. и далее делали основную ставку на колющие удары, многие выпады включали в себя рубящий удар. Меч, предназначенный для того, чтобы колоть, даже несмотря на то что для обращения с ним требовалось определенное умение, оставался примитивным оружием; если им и могли рубить, то это проистекало от его слабости и неадекватности, а не являлось результатом изощренного владения оружием, которым обладал владелец. Колюще-рубящие мечи, которые не ломались в руках от удара, возникали в результате мастерства воинов и не означали регресса. Добавочные доказательства того, что переход от колющих к колюще-рубящим мечам был хорошо обдуманым шагом, можно получить, проанализировав состав металла, из которого они делались. В начале бронзового века сплав, из которого отливали это оружие, в среднем включал в себя 9,4 % олова, в то время как в более поздних образцах это количество достигает 10,6 %. Этот сплав можно сравнить с материалом, из которого в XIX в. делались стволы пушек и крепче которого вряд ли можно что-либо найти: пушечный металл состоял из меди и 8,25–10,7 % олова. Таким образом,

мечи конца бронзового века были не менее крепкими, чем пушки, и вполне годились для рубки.

Прежде чем закончить обсуждение этого вопроса, следует рассмотреть его с практической точки зрения, перейдя непосредственно к оружию. Не раз высказывались предположения, что для того, чтобы держать меч бронзового века, нужно иметь исключительно маленькую кисть руки, поскольку его рукоять очень коротка. Все мы очень хорошо знаем, что если инструмент держать неправильно, то его будет очень тяжело, практически невозможно использовать для работы (попробуйте дать косу человеку, который не знает, как ею пользоваться, и вы увидите, какие фантастические пируэты он будет вытворять). С другой стороны, если вы держите правильно инструмент, то инстинктивно будете знать, что делать. С мечом все обстоит точно так же, возможно, даже в большей степени, чем с любым другим орудием, созданным человеком. Если вы берете в руки меч бронзового века, не ждите, что вы ощутите то же, что и при использовании меча XVII в. или современной рапиры. В противном случае вы не сможете оценить то, для чего он предназначен. Еще менее верно делать заключение, что ваша рука слишком велика из-за того, что все четыре пальца не умещаются на участке между навершием и плечами. Эти выпуклости должны были служить для усиления хватки и при правильном использовании дают возможность крепче держать и лучше контролировать оружие. Сжатие производится тремя пальцами, указатель-

ный движется вперед и оказывается под плечиком, в то время как большой крепко сжимает рукоять с другой стороны. Теперь ваш меч должным образом сбалансирован, вы крепко держите его, можете контролировать движение и правильно *чувствуете* его в руке. При хорошей хватке он, кажется, прямо-таки приглашает вас по чему-нибудь ударить. Это очень важно – чувствовать оружие в руке, понимать, как оно действует и как им удобнее распорядиться. В некоторых случаях действительно кажется, что меч живой – он как бы подсказывает правильные движения, выпады и удары, диктует поведение... но только в том случае, если вы точно знаете, как его держать.

*Рис. 12. Изогнутый бронзовый меч из Зеландии.
Национальный музей, Копенгаген*

Другой момент, о котором часто говорят, принижая достоинство таких мечей, это то, что основной вес клинка приходится на переднюю часть, сосредоточен слишком близко к острию, что он плохо сбалансирован, что им было бы невозможно фехтовать». Конечно же это абсурд. Фехтование не имеет ничего общего с тем стилем сражения, для которого были предназначены эти мечи. Возможно, что самым близ-

ким его подобием были бы сабельные приемы, которыми пятьдесят лет назад пользовались кавалеристы. Нет, у мечей, которые предназначались для таких целей, как эти (а каких именно, мы можем увидеть на любом из бесчисленных образцов греческой керамики), основной вес должен был быть сконцентрирован в верхней части клинка для нанесения и колющих и рубящих ударов. Для рубки он должен был находиться в центре приложения удара, или «оптимальной ударной точке», что означало просто-напросто, что максимальный вес концентрировался в той части лезвия, что встречалась с объектом, который нужно было поразить. Если при нанесении колющих ударов основной вес клинка приходится на переднюю часть, то, когда вы делаете выпад, меч стремится вперед от плеча, что помогает достичь цели и добавляет скорости при ударе. Это утверждение основано не на теории, оно является результатом многолетних экспериментов со всеми типами мечей, поставленных с целью выяснить, для чего они предназначены и каким образом наиболее хорошо выполняют свою задачу.

Существует еще один тип мечей, о котором необходимо здесь упомянуть. Это исключительно редкий тип оружия; пока что найдено только три целиком сохранившихся их образца, сломанная рукоять и копия из кремня. Я имею в виду однолезвийные мечи с загнутым клинком; на рис. 12 изображен один из них, обнаруженный в Зеландии (теперь он находится в Копенгагене), и читатель сам может увидеть, что

за странное это оружие и, однако, какое эффективное! Меч отлит цельным куском; клинок толщиной почти в $\frac{1}{2}$ дюйма в задней части, на изгибе находятся два бронзовых шарика и большое утолщение. Они служат утяжелением клинка для нанесения удара. Это неуклюжий, но, возможно, наиболее смертоносный меч. В течение всего железного века односторонние мечи были на севере очень популярны, но, судя по всему, в бронзовом веке они стали редки. Кремневая копия их выглядит абсурдно, но очаровательно: кажется, что вопреки всяческой вероятности ремесленники пытались создать аналог современной металлической продукции. Еще лучшим примером абсурда, выраженного в камне, может служить копия, также изготовленная в Дании (где делали, пожалуй, самые лучшие кремневые инструменты в мире). Это модель бронзового меча, сделанная из нескольких секций, причем каждая из них прилажена к деревянной оси! Ничего смешнее просто быть не может – это восхитительное в своем роде изделие, но смотреть на него спокойно совершенно невозможно.

Обратите внимание, что на рукояти этих мечей имеется небольшое кольцо. На первый взгляд можно предположить, что в него нужно продеть указательный палец для более надежной хватки, но в действительности оно находится не с той стороны: мечи этого типа не поместились бы в ножны и, вероятно, кольцо предназначалось для крепления другого рода. Этот меч так похож на образец, найденный в Сканди-

навии, что они, кажется, могли бы выйти из одной мастерской. Нигде в другом месте не находили оружия такого типа, поэтому можно было бы предположить, что перед нами исконно датский тип, но есть одна сложность: украшения на мече из Зеландии сильно напоминают детали кинжала из Богемии. Тем не менее это не означает, что они пришли оттуда: это просто еще одно доказательство взаимосвязи культур.

Глава 2

Железо приходит в Европу: люди Гальштатта

В начале первого тысячелетия до н. э. к западу от Азии зародилось новое ремесло, созданное людьми бронзового века. Народы, которые жили в бассейне Дуная, открыли возможности использования железа. Не вполне ясно, связано ли это было с влиянием кочующих племен, но в результате в районе, который теперь занимают Австрия и Венгрия, появились группы племен более воинственных, чем их предки.

В то же самое время вторжение дорийцев, пришедших в Грецию с севера, уничтожило господство Микен над районом Эгейского моря. Были ли эти дорийцы одним из народов, мигрировавших к западу, или это было племя, которое до того жило к северу от Фракии и было вытеснено другим, до сих пор не вполне ясно. Греческие историки классического периода называют это вторжение «Возвращением Гераклидов» и датируют его 1104 г., приблизительно восемьдесятю годами позднее Троянской войны.

С помощью археологических раскопок удалось немного уточнить хронологию этого переселения, поскольку среди находок позднего микенского периода были обнаружены мечи и броши типов, неизвестных в более раннее время. Осо-

бенно знаменательны в этом смысле броши в виде спирали из бронзовой проволоки, найденные в Спарте: они безошибочно напоминают об аналогичных находках гальштаттского периода, сделанных в Центральной Европе. Греческие открытия связаны с реальными историческими персонажами, принесшими в страну железо, — людьми Гальштатта. Само название произошло от района, находившегося в Зальцкаммергуте (Верхняя Австрия), где были соляные копи. Время их появления (1000–950 гг. до н. э.) — это первое упоминание о кельтах и одновременно дата истинного начала железного века. Хотя этот район не был колыбелью железного дела, он стал первым местом раскопок, во время которых в могилах, по-видимому принадлежавших вождям воинственной династии, были найдены первые объекты соответствующей материальной культуры.

Легендарная родина железа находится на северо-востоке Малой Азии, в древней Пафлагонии и Понте, где чалибы (о них в VII в. до н. э. упоминал Эсхил), судя по всему, владели своего рода монополией на изготовление предметов из него. К югу от этого региона располагалась Коммагена, *Ubi ferrum nascitur*. К северо-востоку от него, как и к северу от Кавказа, археологи находили кладбища, в которых при раскопках обнаруживалось оружие и другие железные изделия, очень похожие на продукцию гальштаттской культуры. Кроме того, что, возможно, еще более показательно, во многих могилах, открытых в Венгрии и Австрии, находили мундштуки и

узdechки, весьма родственные по форме тем, что присутствовали в Понтийских степях, в Закавказье и даже еще дальше, в Иране. Открытие этих предметов в могилах раннего гальштаттского периода (1000– 800 гг. до н. э.), неопровержимо доказывающее, что воины этого народа использовали в бою лошадей, позволяет предположить, что новое и лучшее оружие из железа и усовершенствование навыков верховой езды дало им своего рода стимул к ведению военных действий. Вспомните колесницы: их изобретение сделало возможным такие долгие и победоносные походы, каких не знали в древнейшие времена. Точно таким же образом производство железных мечей, во всех отношениях более удобных, чем бронзовые, положило начало новой эпохе в сфере ведения военных действий. Возможно даже, что эти люди с их новым, усовершенствованным оружием были наемниками-ветеранами из армий Ассирии и Урарту и оттуда получили свои знания. В свое время мы проанализируем несколько довольно убедительных доказательств этой теории.

Геродот (который писал об этом приблизительно в 450 г. до н. э.) рассказывает о людях, которые обитали за Дунаем, к северу от Фракии, и называли себя сигиннами. Возможно, их можно отождествить с народом, жившим в Кавказском регионе, о котором приблизительно в 100 г. до н. э. упоминал Страбон, и, возможно, с жившими позднее в Галлии севкванами (Цезарь, 58 г. до н. э.), которые со временем достигли района, где теперь находится Париж. Два первых племе-

ни, как говорилось, носили мидийский костюм, т. е. штаны; конечно же это была обычная одежда кельтов. То, что мог сказать о них Геродот, впоследствии было дополнено недавними археологическими открытиями. Он писал:

«О том, какие племена обитают дальше к северу от Фракии, никто достоверно сказать не может. Области за Истром, по-видимому, необитаемы и беспредельны. Впрочем, об одной только народности за Истром я могу получить сведения: эта народность – сигинны. Одеваются они в индийскую одежду. Кони у сигиннов, как говорят, покрыты по всему телу косматой шерстью в 5 пальцев длины. [Кони эти] маленькие, низкорослые и слишком слабосильные, чтобы возить на себе человека. Запряженные же в повозку, они бегут очень резво. Поэтому люди в этой стране ездят на колесницах. Пределы земли сигиннов простираются почти до [области] энетов на Адриатическом море. Они считают себя [потомками] индийских переселенцев. А как они попали туда из Мидии, я не могу объяснить. Впрочем, пожалуй, все могло случиться за столь огромный промежуток времени»².

В самом деле, случиться могло все, что угодно. В последние годы в могилах галыштаттских воинов были найдены остатки колесниц, кости и сбруя маленьких лошадей. Благодаря галльским и итальянским скульптурам римского периода прекрасно известен наряд кельтов, включавший в себя

² Геродот. История. В 9 кн. / Пер. Г.А. Стратановского. М.: ООО «Издательство АСТ», «Ладомир», 2001. 752 с. (Классическая мысль). (Примеч. пер.)

штаны, в то же время римские историки часто говорят, что своими глазами видели быстрых косматых лошадок и возничих в штанах. Мы можем даже поверить тому, что с трудом мог себе представить Геродот; как мы уже видели, объекты той же материальной культуры и той же формы находили очень близко к территориям мидийцев (и даже внутри них), как и в Австрии. Это, прежде всего, предполагает существование культурных связей между людьми Гальштатта (предками сигиннов) и мидянами. Существовали даже еще более прочные связи с Ассирией. В кельтских погребениях, щедро разбросанных по всей Западной Европе – в Авранше, в долине Луары, вблизи Аббевиля, в Бадене, на Палантине и в Моравии, – были найдены слитки железа: мелкие заготовки из высококачественного металла удобного и портативного размера. Такие же слитки были обнаружены во дворце Хорсабад, близ Ниневии. И это еще не все, поскольку мечи и ножны, выполненные в легко узнаваемом стиле, встречаются как на Западе, так и в Ассирии.

Объекты, которые, возможно, еще ярче характеризуют гальштаттскую культуру, – это длинные железные мечи, первое оружие из этого металла, которое когда бы то ни было появлялось. В ранний период использовалась новая, весьма характерная форма меча: на большей части территории Европы найдено множество образцов этих изделий, выполненных из бронзы. Они настолько похожи по форме и деталям, что кажутся вышедшими из единого производственно-

го центра, возникает искушение сказать, что эти мечи сделаны в одной и той же мастерской. Напротив, железные мечи, несмотря на то что своими очертаниями полностью повторяли бронзовые, находят в очень ограниченном регионе: в Баварии, Вюртемберге, Бадене, Эльзас-Лотарингии, Бургундии и Оверни. Следовательно, мечи, сделанные из старого материала, экспортировали народам, сохранившим культуру бронзового века, а новые и, безусловно, более эффективные модели ревниво оберегали и хранили для главенствующей касты воинов, которые одни только и пользовались ими. Вполне логично – ведь эти изделия давали им преимущество перед другими народами, не обладавшими таким эффективным оружием, как мобильные, хорошо держащие заточку (в отличие от изделий из более мягкого металла, бронзы, которая в этом отношении вела себя гораздо хуже) железные мечи. В этом смысле выгоды от экспорта никак не перевешивали возможностей, которые открывались для обладателей технологической новинки того времени, – собственно говоря, с таким мечом можно было добыть намного больше того, чем принесла бы его продажа. Люди Гальштатта хранили свой секрет – и свое могущество.

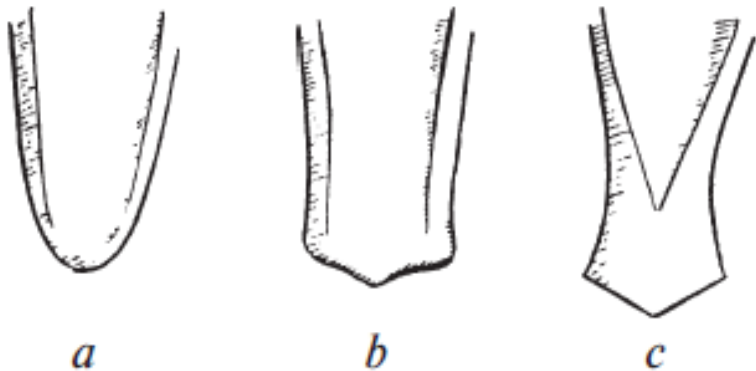

Рис. 13. Три варианта формы кончиков лезвий мечей гальштаттского типа

По форме эти мечи повторяли все характерные черты ранних бронзовых прототипов, но отличались по своему назначению. Это было длинное оружие, предназначенное для нанесения рубящих ударов и использовавшееся возникшими колесниц. Во многих случаях это предназначение подчеркивается формой кончика лезвия, который, в сущности, вовсе не является таковым, поскольку либо закруглен, либо обрезан так, что напоминает квадрат, либо имеет форму, напоминающую рыбий хвост (рис. 13, а – с). Последняя черта таким же образом вошла в моду семнадцатью столетиями позже, когда во второй четверти XVII в. итальянцы начали делать рапиры с двумя маленькими плоскими язычками на конце длинного тонкого клинка, который позволял эффективно использовать конкретный прием – страмазоне (рубящий удар в лицо).

Это один из классических ударов итальянской фехтовальной школы, настолько характерный, что, как видите, для его выполнения даже создали специальное оружие.

Некоторые из гальштаттских мечей настолько велики, что возникло предположение, будто их употребляли только во время церемоний, но я так не думаю. Конечно, они намного больше, чем какие бы то ни было из более ранних экземпляров (и намного больше тех, что делали в последующие 1500 лет), но даже с учетом этого они не настолько велики, чтобы им не мог орудовать человек высокого роста; многие из средневековых мечей, использовавшихся постоянно, были даже еще крупнее. Вероятно, здесь, как и во многих других случаях, вопрос был только в личном предпочтении владельца; для человека соответствующего телосложения, пожалуй, даже удобнее было работать длинным и тяжелым оружием, способным нанести противнику максимальный ущерб.

Вполне понятно, что производство таких мечей предполагает наличие каких-то экспериментальных методовковки. Судя по всему, сперва этот способ был перенесен в регион, который римляне называли Нориком (это приблизительно территория современной австрийской провинции Штирии). Здесь находились шахты, где добывали самую лучшую для того времени железную руду. Из Норика происходило знаменитое кельтское железо римских времен, а затем, в течение всего периода Средневековья, доспехи и клинки из Инсбрука и Пассау входили в число лучших изделий Ев-

ропы. Несмотря на то что в действительности этот регион не был колыбелью железной металлургии, оттуда шло куда большее количество высококачественного материала, чем из легендарной прародины железа. Кузнецам, пришедшим (возможно) с Востока, требовался материал для работы, а Норик этот материал поставлял, поэтому его можно с полным правом назвать местом возникновения европейского железа.

На большей части территорий, находившихся под влиянием гальштаттской культуры, мечи ранней бронзы мало различались по форме, в противовес множеству разнообразных стилей изготовления, использовавшихся в середине и в конце бронзового века. Между 950-м и 450 гг. до н. э. один за другим входили в обращение три главных типа оружия: сперва промежуточный (длинный меч, сделанный из бронзы и предназначенный для нанесения рубящих ударов), затем тяжелый железный меч, сохранивший форму бронзового оригинала, и, наконец, короткий железный меч, ведущий свое происхождение от оружия, которое использовали этруски и греки (начиная приблизительно с 600 г. до н. э. кельты все чаще вступали с ними в контакт).

Как я уже говорил, несмотря на широкое распространение гальштаттского меча по всей зоне влияния соответствующей культуры, его форма была очень стандартизирована. По-видимому, единственные отклонения относились к длине оружия, хотя и здесь колебания редко превышали несколько

сантиметров. Кончики некоторых мечей имели тщательно продуманную форму (как показано на рис. 13), но поперечное сечение клинков и форма верхней части были одинаковыми. Рукоять крепилась таким же образом, как и на бронзовых мечах, но формы плечиков клинка и хвостовика различались некоторыми деталями. Эти различия можно оценить, сравнив рис. 10 с изображением бронзового меча, данном на рис. 6.

Некоторые рукояти этих мечей сохранились; в основном они похожи на те же детали бронзовых предшественников, но навершие у них очень характерное и по форме напоминает мексиканскую шляпу. Большая часть сохранившихся деталей сделана из слоновой кости или рога, с украшениями из янтаря и золота. Особенно красивый железный меч, найденный в погребении в Гомадингене (Вюртемберг), имел великолепную рукоять из рога или кости, украшенную листовым золотом (рис. 14). Это один из самых больших мечей, примеры которых я привожу в этой книге: его длина от навершия до кончика клинка составляет 42,5 дюйма³.

³ Хранится в Штутгарте (Landesmuseum).

*Рис. 14. Рукоять меча из Гомадингена. Рог,
покрытый золотой фольгой*

Хотя навершие, похожее на шляпу, было наиболее обычным, некоторые из найденных деталей напоминают скорее гриб (форма, характерная для «яблочка» бронзового меча). К примеру, тот фрагмент, что хранится в Британском музее, очень похож на навершия, найденные на Крите и в Микенах и относящиеся к позднему минойскому периоду III.

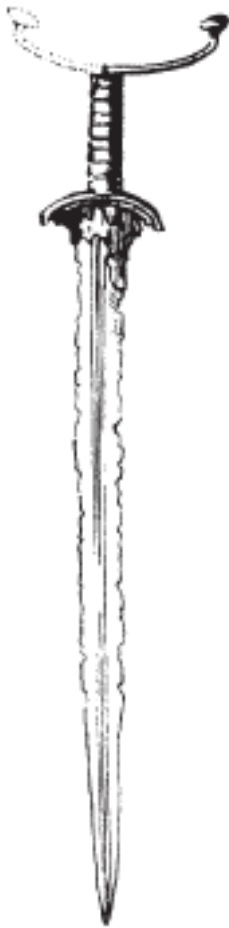

Рис. 15. Железный меч типа «Гальштатт» позднего периода. Найден в Темзе, хранится в Британском музее

Третий вариант гальштаттских мечей, которые использовали в конце периода (возможно, между 600-м и 450 гг. до н. э.), определенно либо вывезен из Италии или греческих колоний, либо непосредственно скопирован с греческих и этрусских моделей, насколько можно судить по его короткому, широкому лезвию с заостренным концом. Навершие также, безусловно, является продуктом гальштаттской культуры (хотя бывает более разнообразным по форме), как и деталь в форме мексиканской шляпы. Некоторые из них представляют собой адаптированный вариант антенного навершия бронзовых мечей, форма других основана на изображении распластанной человеческой фигуры (поэтому в основном археологи называют такие предметы антропоморфными). Хороший пример последнего типа был найден в Темзе, в Лондоне. Железное лезвие этого меча хорошо сохранилось, бронзовая рукоять украшена парой широко раскинутых рогов (один из них утрачен) на месте яблочка (рис. 15).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.